

Дом Бородина

Екатерина ДМИТРИЕВСКАЯ

На последней премьере Российского Академического Молодежного Театра "Лоренцаччо" зрители сидят на сцене лицом к зрительному залу. Картина, открывающаяся перед глазами, преобразует знакомое пространство, заставляя молодую аудиторию ахнуть и изумиться красоте театра. Причем создается иллюзия преобразования при помощи едва заметных штрихов-деталей. На ярусах добавились легкие арки, в самом зале возникли станки-островки — на них будет развигляться действие. Но главное достоинство решения пространства в том, как проявлены, казалось бы, привычные, элементы декора — колонны, ложи, партер, раек. Все слилось в нарядный образ Флоренции. И не только Флоренции. В костюмах, головных уборах — целая "энциклопедия" искусства итальянского Возрождения. На шляпах персонажей можно разглядеть макетики римского Колизея, Пизанской башни, флорентийского Баптистерия. Как когда-то в "Беренике" Расина, поставленной на лестнице РАМТа, Алексей Бородин вместе со своим неизменным соавтором, художником Станиславом Бенедиктовым путешествует со зрителями по историческим эпохам, постепенно открывая публике весь ДОМ-ТЕАТР.

"Двадцатый век еще бездомней" — сказал Александр Блок, и вряд ли двадцать первый станет более домашним. Но кое-что зависит и от нас, и, в первую очередь, от того, что мы захотим и сможем передать в наследство нашим детям. "Очень важно, чтобы зрители, которые придут в театр, собрались, чтобы прикоснуться к вечным, не-

преходящим ценностям, откликнулись на мысль, что не с нас все началось и не нами кончится" — считает художественный руководитель РАМТа Алексей Владимирович Бородин. Декларации, манифесты художников часто не совпадают с их реальной практикой. Любить человечество, любить детей, как известно, значительно легче, чем конкретного человека и конкретного ребенка, тем паче подростка. То же и с понятием "театр-дом", многие из них уже давно напоминают странную смесь антрепризы с домом ветеранов сцены. Особый статус РАМТа в том, что это театр-семья, в него постоянно вливаются новые дети, выпускники курса Бородина. Очевидно, что личность хозяина дома многое определяет в климате театра. Писать юбилейные статьи — вообще неблагоприятная задача,

а в случае с конкретным юбиларом (6 июня Алексею Владимировичу исполнилось 60 лет), не любящим пафос и все дежурное, — особенно. И потому я сознательно отказываюсь от традиционного жанра, тем более, что повод для статьи появился с тех недавних пор, как у меня в руках оказалась изданная маленьким тиражом в 500 экземпляров скромная книга в горчичном переплете — "Семейные хроники".

Она задумывалась страшными для младших, летопись семьи Бородиных с конца XIX столетия. Частная, скромная задача, однако, переросла в значимый поступок. "Семейные хроники" невозможно читать без волнения, прежде всего потому, что авторам удалось воскресить атмосферу Дома, созданную их родителями в далеком Шанхае и возрожденную в подмосковном Пушкино, несмотря на все катаклизмы нашей жестокой истории.

"Образ Дома стал для нас символом прелести и прочности жизни. Я уверена, что для каждого из нас замысел этого издания живет не только в прошлом — как память, но и в настоящем — как осознание себя во времени. Смотрю на старые фотографии, вглядываюсь в лица моих прадедов, бабушки, мамы, отца... и чувствую — что-то перетекает от одного через другого и третьего в меня.... Сознаю, что это "что-то" дало жизнь моему настоящему. Понимаю, что корни всех моих приобретений, надежд и разочарований — в прошлом моей семьи. Это прошлое со мной каждый час моей жизни. Ничто не отошло, наоборот, присутствует в нашей жизни все явственнее и неотступнее. Передаем это живое прошлое нашим детям", — пишет в предисловии Наталия Николаева, урожденная Бородина.

Их было четверо в семье Владимира Александровича и Зинаиды Яковлевны Бородиных — три сестры и брат. Им выпало удивительное, безоблачное детство, прошедшее в красивом каменном особняке на Ling Sen Road, окна выходили в сад, где росли виноград и персики. Семеро слуг-китайцев, три автомобиля — в 1932 году отец основал в Шанхае лабораторию по производ-

вод "Ольма кэмикелс". Все это возвращено неусыпными трудами Бородина-старшего. Быть может, самое удивительное то, что эта буржуазная семья проводит вечера в Советском клубе, и сын Алеша, после увиденного там фильма "Суворовцы", категорически отказывается ехать домой на рикше. После китайской революции в 1949-м нужно делать выбор. Родители считают, что родиной детей должен стать Советский Союз.

История репатриации еще не написана. Как ломались судьбы, как безжалостно развеивались прекрасные мифы и легенды! Из Шанхая в 1954 году семья Бородиных едет через Маньчжурию. Первая пограничная станция на советской стороне называется символично — "Отпор". Почти год Бородины живут в Чимкенте у знакомых

и, наконец, покупают дом (вернее, полдома) в подмосковном Пушкино. Глядя из сегодняшнего дня, дети размышляют о том, каково было старшим переживать перемену участи. Владимир Александрович пошел работать на завод инженером, Зинаида Яковлевна переводила с английского язык. Им хватало не только мужества, но и тепла, и не только для своих детей.

Дом в Пушкино — открытый дом, сохранивший устои и традиции. О духе Дома рассказывают в книге не только дети, но и их друзья, считавшие его родным. Прошло много лет, но память хранит воспоминания о запахе китайских специй, привезенных из Шанхая, эти специи использовались мамой и бабушкой для приготовления блюд, которыми славились обеды в Пушкино, воспоминания о резной китайской мебели, ширмах, вазах, статуэтках, о роскошной библиотеке. Ученый, профессор Роман Шаталов называет Дом Бородиных своими "университетами". "За обедами у Бородиных я научился правильно держать вилку и нож. Не всегда на столе было много блюд, зато всегда это был маленький праздник, потому что собирались вместе любящие и уважающие друг друга люди. Не все благородные манеры и культуру общения, которые царили в доме Бородиных, вообрал я в себя, но многое хорошее в моем воспитании заслуга Зинаиды Яковлевны и Владимира Александровича. Участие в вечерах в гостинице Бородиных подготовило меня к восприятию культурных ценностей и творческому отношению к истории и культуре".

Создавать атмосферу праздника на фоне совсем непростой жизни было естественно для старших. Слово "праздник" —

ключевое в воспоминаниях. "Гости набегали и наезжали постоянно. Я не могу всех упомянуть, но когда бы ты ни приехал, в доме кто-то гостил. И всех привечали, и всем находилось место. Как мне нравились праздники в Пушкино, особенно Пасха, когда за стол усаживалось множество людей, а угощение подавалось отменное. Какие секреты хранили Наталья Николаевна и Зинаида Яковлевна, сказать не могу, но таких пасхи и куличей я, пожалуй, никогда не ела. (Секреты Зинаиды Яковлевны раскрыты в Приложении к книге, где можно прочесть рецепты приготовления пасхи белой и желтой, а также совершенно экзотических блюд вроде "фынтёзы" и "чилимов". — Е.Д.). Мы пели, танцевали, смеялись, были полны молодости. И все эти наши посиделки падали на плечи бедных терпеливых хозяев. Им приходилось нас принимать, кормить и устраивать на ночь", — вспоминает Ольга Глазунова.

Смысл этой книги гораздо шире, чем летопись конкретной семьи. В сущности, авторы описывают Атлантиду, канувшую вместе с уходящими поколениями. Они умели терять, терпеть лишения, не жаловаться. Так жили не только Бородины. Важно это помнить.

Из таких личных хроник встает история. Крестьяне-молokane из Воронежской губернии покоряли пространство огромной страны, двигались на Дальний Восток, затевали свое дело, учились, строили заводы. Паразитический документ — "Краткая биография для представления в посольство СССР в Японии" Михаила Бородина, единокровного брата Владимира Александровича, изъятая на границе у сына автора и вернувшаяся в семейный архив из Органов безопасности. В ней Михаил Бородин называет себя "промышленником-двигателем".

Того дома в Пушкино давно не существует, на его месте спортплощадка. Но в книге он возрожден вместе с хозяевами, у читателя возникает ощущение, что и он — гость, он получает возможность войти в атмосферу семьи с ее преданиями, домашними ритуалами, играми. Любимой игрой Бородиных был маджан, правила игры даются в Приложении. Там же, в Приложении — карта Маньчжурии, Монголии, Китая и интереснейшая историческая справка. "Ее цель — дать представление о событиях, в той или иной степени повлиявших на судьбу нашей семьи".

Судьба семьи в отраженном свете — в судьбе каждого из ее членов. Прочитав книгу, по-новому смотришь на сделанное Бородиным, на его театральное Дело, на такие, к примеру, спектакли, как "Наш городок" и "Дневник Анны Франк". "Каждый должен делать свое дело. Я тупо продолжаю считать, что важнее нашей работы ничего нет", — говорит Алексей Владимирович в одном из своих интервью. Наверное, так же мог сказать о своей работе его отец.

- Пелагея Ефимовна Бородина с сыном Володей
- Зинаида Яковлевна Бородина с детьми — Машей, Алешей, Натасей и Таней — перед отъездом в СССР

Экран и сцена